

Я РАЗБУДИЛ Зураба Соткилаву своим телефонным звонком в половине одиннадцатого утра. А ведь мог бы догадаться, что накануне вечером он, солист Большого театра, один из лучших теноров современности, в прошлом профессиональный футболист, будет «до победного конца» смотреть четвертьфинальный матч чемпионата Европы по футболу между командами Чехии и Дании! Но Зураб Лаврентьевич был вежлив и снисходителен: «Ничего, ничего... Интервью? У меня почти не осталось времени, но «Смене» отказать не могу...»

После травмы ушел из футбола

- Что за странная тенденция: большинство вокалистов высочайшего уровня так или иначе в прошлом связаны с футболом. Некоторые даже профессионально играли.

- Я думаю, это потому, что футбол - народная, очень демократичная игра, лучшая из всех придуманных человечеством. Наверное, не случайно в футбол играл Лучано Паваротти. Он был нападающим в итальянской команде «Модена». Хосе Каррерас, Пласидо Доминго играли в футбол. Эстрадный певец Хулио Иглесиас, он, правда, из другой оперы, был вратарем мадридского «Реала».

- Вы умолчали о себе. Если не ошибаюсь, вы свою спортивную карьеру закончили в молодежной сборной Грузии?

- Нет, в тбилисском «Динамо». Я был капитаном молодежной сборной Грузии. После того как она стала чемпионом Советского Союза, команду в полном составе взяли в тбилисское «Динамо». Я играл за «Динамо», пока не получил серьезную травму. После чего оставалось быть только страстным футбольным болельщиком.

Суфлер подсказывал счет матча

- Говорят, что, когда ваши концерты совпадали с ответственными матчами, вы просили суфлера сообщать счет. Или это байка?

- Чистая правда. Я дружил с Николаем Николаевичем Озеровым. Я обожал его, он любил меня, мое искусство. До последних дней. А в тот раз он, как всегда, сидел в директорской ложе, с левой стороны сцены. По радио транслировали матч - московский «Спартак» играл с тбилисским «Динамо». Озеров был сумасшедшим болельщиком «Спартака», а я - таким же сумасшедшим болельщиком тбилисского «Динамо». Вот я и сказал суфлеру: «Хочешь, поставь рядом с собой транзистор, хочешь - бегай к репродуктору узнавай счет, но сообщай его мне». И я, узнав об очередном забитом голе, шел влево, на ходу импровизируя мизансцену, и тихонько пел: «Дваааа - одинннн в нашуууу пользуууу!» Елена Образцова, моя партнерша, ничего не могла понять, она растерянно шепотом спрашивала: «Что за знаки? Кому показываешь?!»

Пытался зарыть талант в землю

- Зураб Лаврентьевич, вы всемирно известный тенор, человек, покоривший мир, но ваш талант был чуть не зарыт в землю. В прямом смысле. Ведь вы по первому диплому инженер-маркшейдер. Иными словами - подземный геодезист.

Зураб СОТКИЛАВА:

«МНЕ АПЛОДИРОВАЛИ 46 МИНУТ»

Выдающийся артист хотел стать врачом, но не стал, потому что не хватило денег... на взятку

- Я до сих пор не могу себе простить, что лазил под землю. Ничего хорошего там нет. По крайней мере, я ничего, кроме бронхита, там не нашел. Студентом Политехнического института я трижды бывал в шахтах. После второго курса, после четвертого и на дипломе. Но инженером-маркшейдером я не работал ни одного дня. Хотя тогда, если помните, была обязательная - обязательная отработка в течение двух лет. Но я через два дня после защиты диплома поступил в консерваторию. И должен был ехать работать на угольные шахты в Ткварчели. Пришлось идти на прием к председателю республиканского совнаркома. Он знал меня как футболиста. «Какое пение?! Что ты голову морочишь?! Хочешь остаться в Тбилиси, скажи, мы тебя оставим в Тбилиси». - «Серьезно, я студент консерватории. Можете поговорить с ректором». Кончилось тем, что он засмеялся: «Ну хорошо, хорошо, оставайся в Тбилиси». Так и не поверил! А потом был моим большим поклонником.

«Хочешь поступить - плати»

- Кстати, я слышал, что вы вообще собирались стать врачом, и только существующая в грузинских вузах система взятки не позволила вам стать студентом медицинского института.

- Нет смысла это скрывать. Чтобы поступить в Тбилисский медицинский институт, нужно было дать на лапу десять тысяч рублей. Сумма по тем временам не просто огромная, но и «растительная». Растрата в десять тысяч считалась «в особо крупных размерах». Мама, мечтавшая, чтобы я стал доктором, думала, что я, будучи в тбилисском «Динамо», смогу попасть в медицинский институт. Спортсменов брали как бы вне конкурса. В основном ребята поступали в физкультурный институт, в университет. Мало кто в Политехнический. Когда я заикнулся насчет медицинского, мне открытым текстом сказали: «Сынок, «Динамо» тебе

не поможет. Нужны 10 000». Что оставалось делать?

Запел от любви к профессорской дочке

- Согласно одной из легенд, Соткилава запел оттого, что влюбился в дочь профессора консерватории.

- Так и было. Прямо в доме у профессора запел. И он мне сказал: «У тебя, Зураб, хороший голос, давай будем заниматься» Ну и я, ради того чтобы видеть его дочь как можно чаще, согласился.

- Да, но дальше-то что! Вы поступаете в консерваторию и изменяете профессорской дочке в первый же день!

- И такое в жизни бывает. Я увидел Элико на лестнице и сразу сказал другу: «Эта девушка будет моей женой!» С Элико мы вместе без малого полвека. У нас две взрослые дочери. А с профессорской дочкой - да, я плохо поступил. Как говорится, сердцу не прикажешь.

- И как же после этого вы смотрели в глаза профессору?

- Профессор - умный человек, он все правильно понял. По отношению к нему, человеку, который вытащил меня из общежития динамовского стадиона и, можно сказать, силком затащил в консерваторию, я тоже поступил плохо, но позже. Профессор меня очень любил. Я был для него родным человеком. Но я насмотрелся фильмов и наслушался великого Карузо, Дель Монако, Марио Ланцу и решил, что если петь, то петь тенором. На что уважаемый профессор сказал: «Это невозможно! Ты баритон!» Я как баритон подавал надежды, мне ставили пятерки, у меня уже были поклонники, но я твердо стоял на своем. На этой почве мы поссорились, и я перешел к великому Давиду Андгуладзе.

Басков не справился

- Зураб Лаврентьевич, в современной опере есть очень спорная персона - Николай Басков. Не считаете ли вы, что он уже тем заслуживает уважения, что привлекает внимание к оперному искусству...

- Он привлекает внимание не к оперному искусству, а к себе. Споеет в концерте одну - две арии, а потом - песни. Сейчас уже падает посещаемость его концертов. Но если бы я еще вчера был директором Большого театра, я бы устраивал его концерты каждую неделю, назначал бы высокие цены на билеты, и таким образом зарабатывал на Баскове для театра деньги.

- Говорят, что Басков не смог спеть «Травиату»...

- После «Евгения Онегина» он пришел ко мне вместе со своим педагогом за советом, что делать. «Надо развиваться технически. А для этого надо петь Верди. Самое легкое у Верди - это «Травиата». С нее и начни. Ты мальчик красивый, подойдешь на роль Альфреда». «Хорошая идея, буду делать «Травиату». Но так ничего и не сделал. Не справился.

- Самое легкое - и не справился? В силу природных данных?

- Я думаю, что данные у него очень неплохие. В силу технической неоснащенности. Я говорил ему: «На тебе столько денег заработали! Поезжай в Европу, найди хорошего учителя и занимайся». В Европу его возили, но думали, что учиться ему уже не надо. Что это ниже его достоинства. Сейчас, слава богу, у него хватило ума, он поехал учиться. В Ла Скала есть одна грузинка, концертмейстер, и он с ней занимается.

Ленинградцы вызывали на бис десять раз

- Любите ли вы Петербург, часто ли здесь бываете?

- О, с Ленинградом связаны самые незабываемые эпизоды моей жизни. После того как я выиграл «Золотого Орфея» на болгарском конкурсе, меня пригласили выступить в Ленинградской филармонии. Я очень серьезно готовился. Но прежде решил показать программу в Тбилиси. После третьего биса мой педагог говорит: «Ой, это много. Нельзя столько на бис петь!» И вот мы приехали с ним в Питер. Его усадили в ложи, где обычно сидел Мравинский. После первого биса он показывает палец, что означает: еще раз. Спел еще, он снова показывает палец. И так десять раз! Очень долго это был мой личный рекорд. Пока в Израиле не довел количество бисов до тринадцати. Мне аплодировали 46 минут!

Владимир ЖЕЛТОВ
Фото Кирилла КУДРЯВЦЕВА